

Планы Пуламеси каждый раз способны поразить врага в самое уязвимое место и привести нас к победе, это сами боги указывают нам путь к триумфу, Пуламеси — человек, отмеченный божественной благосклонностью, — продолжал восхвалять Хоренхеб, а затем бросил взгляд на трон позади себя.

В толпе пронесся легкий вздох, словно кто-то уже предчувствовал то, что должно произойти.

Поэтому я назначаю Пуламеси главным Верховным жрецом и жалую ему титул Верховного жреца Амона. Он возьмет в жены мою дочь Камосиси.

Сам Пуламеси не слишком удивился, он уже знал об этой новости.

Но окружающие ничего не ведали: одни восхищались тем, что он сможет жениться на чистокровной принцессе, другие втайне корили его за использование династического брака ради продвижения по службе, однако Пуламеси не обращал внимания на чужие взгляды.

Он вышел со своего места на ковер посреди парадного зала и опустился на колени, чтобы принять назначение фараона.

Все это, без сомнения, было великой честью — той самой славой, о которой мечтал каждый воин. Но он больше всего желал, чтобы принцесса Камосиси увидела это, надеясь, что она признает в своем муже достойного человека.

Пока он размышлял об этом, он украдкой бросил взгляд на Камосиси. Камосиси опустила голову, всем своим видом показывая, что тоже знала об этом заранее; на ее лице не было почти никаких эмоций — ни радости, ни застенчивости, ни страха, словно замуж выдавали вовсе не ее.

Даже реакция Мери оказалась куда сильнее: он взглядом вопрошал Пуламеси, что здесь происходит, однако ответа от Камосиси так и не дождался.

Неужели она не испытывает ни малейшей радости оттого, что выходит замуж за столь выдающегося человека? Пуламеси невольно почувствовал некоторое разочарование.

Приближенные уже понимали: как только эта битва завершится победой, карьера Пуламеси взлетит еще выше, и дарование ему подобных почестей было вполне заслуженным.

Однако они никак не ожидали, что благосклонность фараона к Пуламеси на этом не ограничится.

В то же время я объявляю, что отныне Пуламеси становится наследником моего трона. Когда моя душа вознесется на небеса и сольется воедино с богами, он вместо меня станет защищать эту страну, любимую богами.

Глава 5: Ночное нападение

Слова фараона Хоренхеба обрушились на головы всех присутствующих подобно удару грома, и на мгновение воцарилась абсолютная тишина.

Царица в неверии широко раскрыла глаза: Ваше Величество, вы...

Слова фараона означали, что он отбросит всех своих кандидатов в наследники и отречется от старшего сына, которого она родила, — как же это могло не шокировать ее?

Не только царица, но и остальные принцы были потрясены до глубины души. Звук разбившегося кубка нарушил окружающую тишину, а изысканное вино пролилось на пол.

Выражение лица Камосиси наконец изменилось: она резко подняла голову и с тем же неверием уставилась на своего венценосного отца.

Она никак не ожидала, что фараон действительно сможет проявить такую непреклонность и принять подобное решение. Хотя этот шаг обеспечит ему посмертную славу правителя, уступившего власть достойнейшему, в каком же положении он оставляет собственных детей?

Кто же не захочет, чтобы государство из поколения в поколение наследовалось его собственными потомками? О чем вообще думает Хоренхеб?

С другой стороны, ее царственный брат Мери по-прежнему беззаботно перелистывал свои папирусы, словно это не его только что сместили с позиции главного наследника.

Судя по его виду, кому бы ни достался трон — ему было совершенно все равно; даже если бы его заставили воссесть на него, он бы еще скрипя сердце попытался, но он вовсе не желал подобного исхода.

Можно было не сомневаться, что после этой ночи расстановка сил при дворе вновь претерпит колоссальные изменения.

Камосиси опустила голову и полным досады взглядом зыркнула на своего августейшего брата, наверняка питая в сердце злобу за его никчемность.

В то же время в ее глазах мелькнул зловещий огонек.

Убить Пуламеси.

Стоит лишь покончить с ним, как право на престол вновь вернется к ее брату.

А значит, все еще не так плохо.

Царица закрыла лицо руками и, всхлипывая, взмахнула рукавом и удалилась.

После ее ухода атмосфера в пиршельном зале резко похолодала, и никто больше не смел вымолвить ни слова.

Хоренхеб понимал, что нынешнее возвышение Пуламеси для одних станет радостью, а для других — источником скорби.

Он не хотел, чтобы обстановка оставалась столь тяжелой, и, желая оживить атмосферу, хлопнул в ладоши и произнес обращенным к залу голосом: Вынести военные трофеи.

Услышав этот приказ, люди в зале мгновенно зашумели: свыше десятка слуг забежали туда-сюда, внося бесчисленные сундуки и складывая их горами у ступеней, а затем привели даже нескольких женщин с иноземной внешностью.

Сундуки отперли, и внутри обнаружились несметные сокровища из золота и серебра, а также множество драгоценной утвари.

Фараон подошел ближе и зашарил рукой внутри сундука. Металл зазвенел звонко и мелодично, а на лице самого правителя отразилось величайшее наслаждение.

Порывшись еще немного, он вытащил из сундука ожерелье, инкрустированное черным обсидианом.

Дом Жрецов определил, что спустя семь дней настанет день, когда боги обратят свой взор на эту землю, и день свадьбы моего наследника и моей дочери назначен как раз на это число, Камосиси...

Он повернул голову и окликнул имя своей дочери.

С мрачным выражением лица и полным отсутствием интереса Камосиси бросила взгляд в ту сторону, а затем медленно поднялась и направилась вперед.

Она была вовсе не низкорослой — почти с ростом своего отца, унаследовав, судя по всему, его лучшие черты.

Ты — дочь моя Хоренхеба, принцесса Великого Египта и будущая царица, Бог Амон пребудет с тобой.

Держа в руках ожерелье, Хоренхеб жестом велел Камосиси протянуть руку, собираясь лично даровать ей это украшение.

Камосиси отступила на шаг назад и почтительно протянула обе руки, намереваясь принять дар фараона, но Хоренхеб сам перехватил ее запястье и собственноручно застегнул на нем красивое обсидиановое ожерелье, отчего ее и без того бледная кожа стала казаться еще прекраснее.

Пуламеси.

Пуламеси уже с трудом сдерживался. Он поднялся с места и подошел к ним.

Его взгляд ни на секунду не отрывался от Камосиси, в то время как сама Камосиси смотрела прямо перед собой и даже не повернула головы, чтобы одарить своего жениха хотя бы половиной доброго взгляда.

Отныне я вверяю тебе свою дочь, ты должен относиться к ней должным образом, и к тому же она непременно должна стать твоей царицей. Хоренхеб взял их за руки и соединил вместе.

<http://bllate.org/book/26741/3202608>